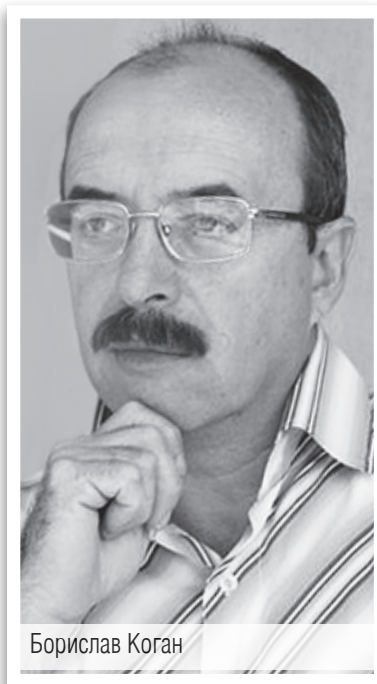

Поэзия

«Рождённый с русским языком...»

Борислав Коган

Борислав Коган родился в 1956 году: легендарная Магнитка встретила его протяжным гудком нового рабочего дня... Десять лет школы, институт и 23 года, прожитых на Урале, оставили неизгладимый след в его душе. Искренняя любовь к городу живёт в сердце Борислава Когана и поныне.

Недавно он вновь побывал в родных местах. Заглянул поэт из Иерусалима и в редакцию «Магнитогорского металла», где уже публиковались его стихи, чтобы подарить новую книгу, изданную в этом году в Москве.

Сегодня «ММ» публикует цикл «Осьмушки» из книги Борислава Когана «Осенний рефрен».

Осьмушки

Мы идеальны в ней,
неотразимы,
Ни времени не зная, ни границ,
Там лето – сон. И сказочные
Знакомые черты любимых
лиц.

Она способна увлекать
и ранишь,
Ей факты и реальность –
не указ.
Как часто влюблены мы
просто в память,
Которая обманывает нас!..

Рождённый с русским языком,
Нюансы сердцем чувствую,
Я с материнским молоком
Впитал культуру русскую.

В Израиле – язык иврит,
И с Пушкиным не в моде я,
Но разум мой благодарит
Кирилла и Мефодия!

В высокой поэзии я дилетант
И в творчестве полон
сомнений,
Способности – это ещё
не талант,
Не каждый рифмующий –
гений.

Стихи не рождаются, пусто
в душе,
Ушла острота самиздата,
Прносятся штампы, шаблоны,
клише
И подлая тень плагиата...

Пусть кто-то в театрах
вращается,
Встречает подруг и друзей,

К искусству в кино причащается,
На выставки ходит, в музей...

А мне среди них не тусуется –
Беру телевизора пульт,
И рядом со мною красуется,
Жратва, возведённая в культ!..

Напрасно смысл жизни ищем –
В нём философия проста,
И торжество духовной пищи
Важней, чем праздник
живота!

Но, подмигнув, в беседе
частной
Скажу: «Не стоит чушь
молоть.

Душа не будет безучастной,
Когда вы балуете плоть!»

Моей печали есть причина –
Дым тайной страсти без огня!
Живу смиренно, скромно, чинно,
Свои эмоции храня.

Любовь мне врезала под дыхло,
Уже не жить мне налегке.
Всему найду достойный выход,
А сам останусь в тупике...

Жара выматывает силы,
Температура, как в аду.
Здоровье лето подкосило
И весь в поту я, как в бреду.

А мне бы – зимние просторы,
Ночную вьюгу и метель,
Ледовые в окне узоры
И бабу снежную – в постель!

Везде полно максималистов
(Устал я жить под их нажимом) –
Национальных шовинистов –
В любой стране, с любым
режимом.

С такой позицией нетвёрдой
Всегда окажешься изгоем:
В России был еврейской мордой,
В Израиле – российским гоем...

Судьба мне бросит в лицо
перчатку.
Дуэль, конечно, не равноценна.
Сотрёт бесследно,
как опечатку, –
И нет артиста. Пустая сцена.

Сломал устои и все порядки!
Сюжет стал грешный –
но интересный.
А за ошибки и опечатки
Отчёт представлю
на суд небесный...

Если жизнь без впечатлений,
Без любви и суеты.
Это от душевной лени
И сердечной пустоты.

Вроде бы и не калека,
Но диагноз непростой:
Дистрофия интеллекта
И чувствительный застой.

Страна перестроилась
в спешке –
Не вышло нам жить
в коммунизме.
Мы были разменные пешки
И винтики в том механизме.

Казалось, что каждый
политик
Крутил нами ради забавы,
И «болт положили»
на винтик
В масштабах великой
державы!

Господь не каждому помог,
Не всем удача светит:
Кого целует в темя Бог,
Кого и дьявол метит.

Пройти по жизни без потерь,
Увы, не все сумели.
Одни на паперти теперь.
Другие – на панели...

Я – забытый Богом странник.
Кто спасёт святую душу?
Утопу ли, как «Титаник»,
Или выбросит на сушу?

Но за всё своя расплата –
Вот ведь, брат, какая штука.
В ад попасть мне
страшно вато.
Но и в рай – сплошная скука...

Ничего не хочется, что-то
с головой –
То ли кризис творческий,
то ли половой.
Стоит ли об этом выть?
Сожалеть о ком?
То ли мне поэтом быть,
то ли мужиком?

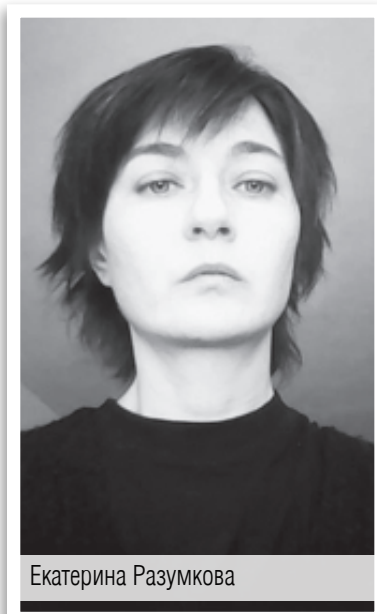
Из души не вытащил ни один
сонет.
Может, и мужик ещё, только
не поэт.
И рассудит женщина мудро
перед сном,
Скажет мне застенчиво:
«Лучше два в одном...»

Я застрял в одинаковых буднях
И уснул в ежедневной рутине.
Даже Муза меня не разбудит,
Потому что душа
в карантине.

В голове ни стиха, ни сонета.
Чистый лист – как пустынная
трасса.
Только слышится в сумерках
где-то
Одинокое ржанье Пегаса...

Рассказ

Паук и Бегемот

Екатерина Разумкова

– Сатана, завтракать!
Дважды повторять не при-
шлось. Сатана, он же Беге-
мот, он же Дрянь-паршивая-
так-и-выкинул-бы, он же
Мурло-шерстяное, в два
прыжка оказался на кухне.

Дима выбросил пустую банку из-
под консервов и пошёл в ванную.
Утро катилось по привычному
безукоризненному расписанию.
Подъём, гантельки, кофе, быстрая
овсянка вприкуску с новостной

плести сети, работая системным
администратором.

Паук был упорен и жизнелюбив.
Бог весть в который раз он начи-
нал путь наверх по безжалостно-
гладкой отвесной пустыне и бог
весть в который раз срывался в
начало своего горестного пути. А
когда Дима протянул страдальцу
спасительную ладонь, пленник
эмалированной тюрьмы испугал-
ся и поднял безмолвную панику.
Дима вновь попытался достать
паука пальцами и почти достал, и
почти вытащил, но паучище вновь
сорвался на самое дно. Ну, что ты с
ним будешь делать!

Дима бросился в комнату, вы-
драл страничку из блокнота, по-
гнался с нею за пауком – и опять
почти поймал, и опять упустил. Оба
специалиста по сетям бестолково
нервничали и совершали массу
ненужных движений. Но двуногий
специалист оказался всё же ловчее,
и незадачливый восьминожка, со-
вершив стремительный перелёт на
клетчатом эвакуаторе, свалился на
пол и тут же сиганул в спаситель-
ную тьму за стиральной машиной.
Плюс тебе в карму, добрый сисад-
мин! Но поднажми, поднажми, ты
уже выбился из графика.

Едва не на ходу застёгивая ру-
башку, Дима высочился на улицу.
И только отмахав стометровку от
дома, он спохватился: где телефон?
Проклятый кусок китайского пла-
стика! Но без него как без головы
– хочешь не хочешь, а надо возвра-
щаться. Давно ли Дима стал таким
забывчивым? А всё этот чёртов

паук. Смыть бы его в водосток, и
дело с концом, так нет же...

Телефона не было ни в прихожей,
ни на кухне, ни в комнате. Наконец,
бессильно ругаясь, Дима извлёк его
из пыльной щели за компьютер-
ным столом. Как и почему аппара-
тик там оказался, стоило спросить
Бегемота.

Когда Дима подлетел к остано-
вке, семнашка показала ему дымный
хвост и исчезла за поворотом. На
такси Дима пожадничал, так что
оставалось одно: проскакать ещё с
полкилометра, до трамвая. А там, с
двумя пересадками...

...Шеф давным-давно был на
месте – безнадежно занудный, на
все пуговицы застёгнутый шеф.
На первый раз Дима отделался не
штрафом, а устной выволочкой
и настоятельной рекомендацией
ставить впредь не один, а два
будильника – желательно меха-
нических и желательно в пустой
кастрюле, чтобы от звона востали
все мертвецы на обоих городских
кладбищах, не говоря уж об одном
живом и ленивом сисадмине.

День покатылся своим чередом.
Дима закрылся в своей паучьей
каморке, включил музыку, обно-
вил систему на бухгалтерском
компьютере, поменял принтерный
картридж у рекламщиков и с почти
спокойной совестью достал «лева-
чок» – завирусанный ноутбук
приятеля Мишки. Поставив ноут
на проверку-очистку, Дима вынул
из тумбочки пакет со вечерними
крекерами и пошёл к секретарше
Нике почаёвничать.

Но Ника его опередила. Она сама

ворвалась в сисадминский закуток
– вся такая тревожная, странная, на
себя не похожая.

– Димка, ты как сегодня на работу
добирался?!

– Ну, как обычно...

– На семнадцатом?!

– Да нет, на двух трамваях. Про-
щёлкал я свой семнадцатый, при-
шлось на перекладных. А что
случилось-то?

– Что случилось?! Ты местные
новости читал?! – Ника чуть не за
бороду потащила Диму к своему
компьютеру, к распаханному сайту
с местными новостями.

Сперва Дима ничего не понял. А
когда понял, то чуть не подавился
крекером. Во весь экран зияло
жуткое фото: вверху мост, а под мо-
стом – поверженный желтобрюхий
автобус с номером «17» на разбитом
лбу. Тот самый автобус, та самая
семнашка, что зря приезжала нынче
за Димой в восемь пятнадцать.

– Паук и Бегемот... – только и
вырвалось у Димы, едва он про-
кашлялся.

...Пройдёт совсем немного вре-
мени, и Дима встретит девушку по
имени Света. Они славно заживут
втором – Дима, Света и Бегемот,
он же Сатана, он же Пухляшка-
чернышка-так-бы-и-затискала.
Света с детства терпеть не могла
пауков, но теперь, случись ей по-
встречать восьминогую в ванной,
либо звала на помощь Диму, либо
эвакуировала паука своими си-
лами.

Теперь эти существа вызывали у
Светы почти суеверное почтение.